

ТИПЫ ТОЖДЕСТВА И КООРДИНАТЫ ЛИЧНОСТИ: СПОСОБЫ КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Кочнев Роман Леонидович – кандидат философских наук, старший преподаватель. Тюменский государственный университет. Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: r-kochnev@mail.ru

Современная аналитическая метафизика содержит множество теорий и подходов относительно проблемы тождества личности. Подобное многообразие неизбежно влечет появление различных классификаций, авторы которых пытаются разработать компактный способ представления существующих взглядов. Большинство классификаций предполагает значительное упрощение рассматриваемых теорий и подходов, а некоторые из них – не учитывает вовсе. В качестве таких глобальных классификаций можно выделить подход, основанный на используемом в теории критерии тождества (психологические, биологические, нарративные взгляды). Однако многочисленные локальные классификации позволяют указать на потенциальные различия в теориях, даже если формально они используют общий критерий тождества. Другими возможными классификациями становятся разделение на эндурантизм и пердурантизм, а также на простые (нередукционистские) и сложные (редукционистские) теории тождества. Особое внимание уделяется подходу М. Шехтман, которая предлагает локальную классификацию нарративных теорий. Основой ее классификации является представление взглядов исследователей в виде возможного спектра. Место конкретного философа на этом спектре характеризует его взгляды по отношению к другим сторонникам нарративного подхода. Задача данной статьи – основываясь на предложенной Шехтман классификации нарративных теорий, предложить вариант классификации для всех теорий и подходов к проблеме тождества личности, который был бы чувствителен к важным для них концептуальным деталям и различиям.

Ключевые слова: тождество личности, критерии тождества, классификация, психологический подход, нарративная теория, анимализм

TYPES OF IDENTITY AND COORDINATES OF PERSON: METHODS OF CLASSIFYING MODERN THEORIES OF PERSONAL IDENTITY

Roman L. Kochnev – PhD in Philosophy, Senior Lecturer. Tyumen State University, 6 Volodarskogo St., Tyumen 625003, Russian Federation; e-mail: r-kochnev@mail.ru

Modern analytical metaphysics contains many theories and approaches regarding the problem of personal identity. This diversity inevitably leads to the emergence of various classifications, the authors of which are trying to develop a compact way of typologizing existing views. Most of the classifications involve a significant simplification of the theories and approaches under consideration, and some of them are not taken into account at all. As such global classifications, one can single out an approach

based on the identity criterion used in the theory (psychological, biological, narrative views). However, numerous local classifications allow one to point out potential differences in theories, even if formally they use a common criterion of identity. Other possible classifications are the division into endurantism and perdurantism, as well as simple (non-reductionist) and complex (reductionist) theories of identity. Special attention is paid to M. Shechtman's approach, which offers a local classification of narrative theories. Its main classification is the presentation of the views of researchers in the form of a possible spectrum. The place of a particular philosopher on this spectrum characterizes his views in relation to other supporters of the narrative approach. The purpose of this article is, based on the classification of narrative theories proposed by Shechtman, to propose a classification option for all theories and approaches to the problem of personal identity, which would be sensitive to conceptual details and differences that are important to them.

Keywords: personal identity, criteria of identity, systematics, psychological approach, narrative theory, animalism.

1. Типы и стандарты критериев тождества

Философские теории тождества личности строятся вокруг поиска адекватных критериев, позволяющих однозначно определять факты сохранения во времени особого онтологического объекта – личности. Исторически наибольшее внимание уделялось психологическому подходу¹. Однако современные исследователи отстаивают также важность физических² (биологических) и нарративных критериев³.

¹ Центральной идеей этого направления можно считать важность сохранения у личности характерных лишь для нее психологических фактов (воспоминаний, убеждений, целей и т.д.). Только при наличии связанности и/или преемственности подобных фактов между двумя личностями P1 и P2 можно говорить о том, что это – одна и та же личность (т.е. личность P1 сохранилась и продолжила существовать во времени как P2). К сторонникам такого подхода можно отнести С. Шумейкера [Shoemaker, 1970], Дж. Пэрри [Perry, 1972], а также Д. Парфита [Парфит, 2019].

² Сторонники физического и биологического подходов в качестве критерия тождества принимают свидетельства о физически либо биологически непрерывном существовании тела (организма). Подобной позиции придерживался, например, Б. Уильямс [Williams, 1957]. В последнее время такие взгляды все чаще связывают с анимализмом П. ван Инвагена [Inwagen, 1990], Э. Олсона [Олсон, 2021] и П. Сноудена [Snowdon, 1990].

³ Ядро данного подхода может быть сформулировано следующим образом: наше «Я», или личность, появляется в процессе создания определенного (в первую очередь – автобиографического) рассказа. Подобные взгляды можно обнаружить в работах Д. Деннета [Dennet, 1991], М. Шехтман [Shechtman, 2007] и К. Эткинза [Atkins, 2010].

Различия в принимаемых критериях тождества напрямую связаны с различиями в метафизических представлениях о том, чем является личность, успешно сохраняющая (либо утрачивающая) свое существование во времени. Возникающие «онтологические разрывы» во взглядах на феномен личности могут подталкивать нас к мысли о невозможности построения для них адекватной глобальной классификации. Против этого есть два основных возражения – сильное и слабое.

Слабое возражение заключается в том, что если рассматривать стандартный способ глобальной классификации (деление теорий тождества личности на психологический, физический и нарративный подходы) как окончательный, тогда он затрудняет появление каких-либо гибридных подходов. Такой способ классификации, например, игнорирует предложенную М. Секацкой психофизическую теорию⁴, а также подходы Д. Захави и С. Галлахера⁵. Наличие же подобных взглядов служит очевидным свидетельством размытости границ между разными теоретическими подходами к тождеству личности⁶.

Сильное возражение основывается на признании актуальности наличия внутренних границ в рамках одного подхода. Другими словами, в стандартном способе глобальной классификации никак не объясняется значимая разница во взглядах исследователей, формально использующих один и тот же критерий для определения фактов тождества личности. Наглядным примером таких различий можно назвать позицию Д. Парфита, которая иногда даже позиционируется как отдельный нигилистический подход к вопросам тождества личности [например, см.: Гаспаров, 2007; Patrone, 2017, p. 721–722]. Может показаться, что наличие одной фигуры, пусть даже и такой значимой, как Д. Парфит, не является поводом согласиться с этим

⁴ В рамках данной теории отрицается возможность сохранения личности лишь на основании отдельных фактов, связанных с ее психологией либо телом. Только совокупность психологических и физических качеств является достаточной для корректного установления фактов тождества [Секацкая, 2018]. Стоит отметить, что часть «заочных» контраргументов для этой теории можно обнаружить у [Shoemaker, 1999].

⁵ Предложенная этими исследователями феноменологическая теория сочетает в себе идею существования минимального «Я» (субстанционального Эго) и отдельные элементы нарративного подхода к личности [подробнее см.: Zahavi, 2014; Gallagher & Zahavi, 2012].

⁶ В частности, психологическая теория тождества личности (по крайней мере, в версии, предложенной Д. Парфитом) может быть проинтерпретирована комплементарно современным четырехмерным онтологиям личности [Lewis, 1983]. Как показывает М. Уолкер, на их основании можно сформулировать гибридную теорию, названную им теорией типов-токенов [Walker, 2020].

возражением. Однако внимательный анализ конкретных теорий показывает, что пример с теорией Парфита не является всего лишь за- нимательным исключением.

2. Психологические перезагрузки и эпизодические личности

В рамках психологического подхода можно выделить фигуры С. Кэмпбелла и Г. Стросона: придерживаясь мнения о правильности отношения психологической преемственности (R-отношения) в качестве критерия тождества, они подвергают критике то, что может быть обозначено как его «стандартная версия» [ср. с этим: Parfit, p. 207].

Например, Кэмпбелл предлагает мысленный эксперимент стремительных психологических изменений [Кэмпбелл, 2020]: в ходе операции личность P1 каждую секунду теряет 1% своих психологических характеристик и приобретает 1% психологических характеристик личности P2. В этом случае сторонники психологического подхода должны согласиться с тем, что личность P1 по прошествии 100 секунд прекращает свое существование, а на ее месте появляется новая личность P2. Подобная операция по перезагрузке личности существенным образом отличается от естественных поэтапных изменений в течение нашей жизни. В этом случае полная замена личности происходит не за годы или десятилетия, а менее чем за две минуты. И хотя это противоречит здравому смыслу, факт отсутствия прямых психологических связей между личностями P1 и P2 вынуждает сторонников стандартного психологического подхода с неохотой признать, что здесь мы имеем дело с двумя разными личностями⁷.

Теория тождества, предложенная Стросоном, еще более радикальна. Он предлагает взглянуть на привычное понятие личности как на последовательную серию отдельных личностей-стадий⁸, или, как он сам их называет, – «эпизодических личностей» (episodic

⁷ Дополнительная проблема данного мысленного эксперимента для стандартного психологического подхода, о которой говорит и сам Кэмпбелл, кроется в тривиальном факте, что некоторая «переходная» личность на 99-й секунде такой операции не только сохраняет психологическую преемственность с личностью P1, но и практически ничем не отличается от новой «загружаемой» личности P2 [подробнее см.: Кэмпбелл, 2020, с. 96].

⁸ Характерно, что к похожему представлению (только более юмианскому) приходит и Кэмпбелл [например, см.: Campbell, 2006]. Такой подход, в свою очередь, противоречит довольно оригинальной концепции Д. Бринка, согласно которой в результате возможных взаимодействий друг с другом «слабой» формой психологической связанности могут обзавестись даже нумерически разные индивиды [Brink, 1997, pp. 148–152].

selves). В этом случае наша личность может сводиться к наборам партикулярный Я. Наборы эпизодических личностей следует отличать от «диахронических личностей» (diachronic selves), которым их собственное существование представляется в виде связанного нарративного повествования. Желая сформулировать критерий тождества таких личностей, Стросон реконструирует оригинальные взгляды Дж. Локка и приходит к выводу, что для осознания действий из прошлого в качестве своих собственных нам недостаточно одной лишь памяти о них. Наши воспоминания о действиях невозможны без чувства озабоченности или вовлеченности (concernment) в произошедшие ранее события. Это нельзя воспринимать как тривиальный факт, что всякое воспоминание является именно *моим* воспоминанием. Не факт наличия воспоминаний, но субъективное отношение существующей на данный момент личности к прошедшим событиям определяет способности и корректность возложения моральной ответственности. Соотнося известное нам по воспоминаниям прошлое с текущими интересами нынешней эпизодической личности, мы храним или стираем некоторые конкретные воспоминания из нашей памяти⁹. Связанность различных психологических состояний оказывается здесь вторичной по отношению к основанным на понятии вовлеченности механизмам сортировки самих этих состояний на «значимые» и «незначимые», как составных частей конкретной эпизодической личности [Strawson, 2017, p. 230–252; ср. также с этим: Adams, 1989].

3. О ком рассказывает нарратив?

Эпизодические личности представляют для нас интерес еще по одной причине. Будучи «краткосрочными» в своем существовании и осознавая это, они лишены одной из основных характеристик, присущих нам лично и всем людям без исключения – планов и целей на будущее, с осуществлением которых мы соотносим себя как личности (в нарративной теории такая характеристика личности называется «телеологической направленностью») [Schechtman, 2007a, p. 97]. В своих стремлениях защитить нарративный подход от критики М. Шехтман придерживается специальной локальной классификации, которая, как представляется, обладает значительным эвристическим потенциалом.

⁹ Это позволяет, как утверждает Стросон, отбросить знаменитый аргумент «храброго офицера» как нерелевантный, поскольку он не только не противоречит «оригинальным» взглядам Локка, но более того – является его «идеальной иллюстрацией» [Strawson, 2017, pp. 238–239]. Похожая позиция поддерживается также Парфитом, считавшим неразумным наказание девяностолетнего лауреата Нобелевской премии за грехи его молодости [Parfit, 1984, p. 326].

С точки зрения Шехтман, взгляды сторонников нарративного критерия можно представить в виде особого спектра, условно разделенного на три диапазона: «слабые теории», «средние теории» и «сильные теории» [Schechtman, 2007b]. Позиция конкретного исследователя на этой шкале определяется тем, как он отвечает на три базовых вопроса нарративной теории: (1) «Что можно считать нарративом?», (2) «Что можно считать наличием нарратива у личности?» и (3) «Какие практические следствия для личности влечет наличие или отсутствие нарратива?». Для наглядности рассмотрим возможные ответы на вопрос (1). Во-первых, нарративом можно считать любое описание серии событий чьей-либо жизни; в этом случае под понятие нарратива подпадают, например, полицейские отчеты¹⁰ («слабые теории»). Во-вторых, можно признать, что одной только серии событий недостаточно, в нарративе о личности обязательно должно даваться описание связей этих событий друг с другом («средние теории»). В-третьих, подлинный нарратив должен быть максимально приближен к стандартам литературных произведений, сознательно отредактированных с целью отсека лишнего материала, а также создания сквозной темы и общего хода повествования («сильные теории»)¹¹.

По мнению Шехтман, варианты ответов на вопросы (1), (2) и (3) позволяют классифицировать взгляды нарративистов, интерпретируя их в рамках оппозиции метафизических доктрин реализма и антиреализма. Не менее важной интуицией, лежащей в основаниях локальной классификации Шехтман, служит и то, что она вводит в нее *отношение степени*. Это позволяет не только чисто дескриптивно определять разницу во взглядах между исследователями, но и помогает вписать разные подходы в общее предметное поле. Прежде чем оценить эвристический потенциал данного способа классификации, следует рассмотреть анималистические теории тождества личности, равно как и два других способа возможной классификации.

¹⁰ Примером такой «слабой» версии нарративизма можно считать игру «Психоанализ», предложенную Деннетом [Dennet, 1991, p. 10]. Ключевой особенностью данного примера является также идея вторичности понятия личности по отношению к нарративу, который ее производит [ср. с этим: Волков, 2018, с. 189].

¹¹ Сама Шехтман не уточняет, каких исследователей можно отнести к каждому из этих диапазонов, однако можно предположить, что сильные теории близки тому, что высказывает П. Рикёр [Рикёр, с. 19–37]. Еще одним автором, которому можно приписать «сильную» версию нарративной теории, является А. Макинтайр. В его работах важное место занимает представление, что нарратив одной личности в любом случае «отягощен» не только нарративами других личностей, но и нарративами институций, сообществ и даже традиций [Макинтайр, 2022, с. 265–281]. Более того, Макинтайр, как и Радд [Rudd, 2009, p. 61], отрицает идею фундаментальности нарратива относительно тождества личности. Подробнее об этом см. [Stokes, 2012; Rudd, 2016].

4. Есть ли у животных душа?

Ситуация с локальной классификацией различных анималистических теорий оказывается не менее запутанной¹². Разделяя (по крайней мере, изначально) некоторые общие интуиции, характерные для физического (телесного) критерия тождества, анимализм предлагает множество разнообразных представлений о том, кем мы являемся. Особое внимание следует обратить на тот факт, что не все анималисты разделяют важность собственно биологических критериев.

Анимализм рассматривает нас как человеческих животных. Пытаясь избавиться от ряда метафизических проблем, связанных с этим представлением, некоторые анималисты предлагают расширить понятие человеческого животного за счет дополнительного нематериального (небиологического) критерия нашего тождества. Например, говоря о нематериальных частях наших организмов, Дж. Туров ссылается на понятие души [Thurrow, 2018]. Он противопоставляет свои взгляды как позициям сторонников традиционного картезианского дуализма, так и теориям защитников биологического подхода¹³. Кроме того, существуют и дизъюнктивные анималистические теории, в которых диахроническое тождество личности обеспечивается при помощи либо психологических, либо биологических критериев [например, см.: Langford, 2014].

5. Души или временные части личности?

Помимо стандартной глобальной классификации есть еще два возможных способа классификации различных теорий тождества личности. Первый способ делит такие теории на «сложные» и «простые», в зависимости от того, поддерживается ли в них эпистемологическая процедура редукции при поиске критерия тождества. При втором способе теории группируются в соответствии с принимаемым в них типом онтологии. Здесь все зависит от того, чем именно является личность: четырех- или трехмерным объектом. Общим местом обеих

¹² Довольно подробную локальную классификацию теорий анимализма можно найти здесь [Нехаев, 2021; кроме того, см.: Bailey, 2015; Thornton, 2016; Olson, 2015].

¹³ Важную роль душа, или «мыслящая нематериальная субстанция», играет также и в гилеморфном анимализме [Toner, 2011; Thornton, 2019]. Правда, в таких теориях она обычно утрачивает свой независимый субстанциальный статус, поскольку гилеморфизм исключает возможность провести реальное различие между материальными и нематериальными частями нашей природы (материей и формой). Человеческое животное здесь является особой эмерджентной сущностью, возникающей как результат их органического сочетания [Stump, 1995].

этих классификаций является строгое противопоставление какой-то одной конкретной теории всем остальным возможным подходам. Поэтому к ним применимы и одинаковые критические аргументы.

Представление о наличии у нас души, являющейся своего рода носителем нашей личности, благодаря которой обеспечивается наше тождество во времени, называется субстанционализмом, или «простым взглядом»¹⁴. Ключевой особенностью данного подхода является последовательный отказ от процедур редукции понятия тождества личности к множествам фактов, фиксируемых с помощью тех или иных критериев (физических, биологических или психологических). Поскольку здесь душа напрямую отождествляется с личностью, тождество личности во времени зависит от простого факта ее существования. Отказываясь от дальнейшего метафизического анализа отношений тождества, субстанционалисты утверждают его абсолютный характер¹⁵ [Parfit, 1973, p. 138]. Им кажется, что это должно позволить избежать множества проблем и противоречий, неизбежно возникающих в теориях, которые пытаются найти и эксплицитно представить некоторые доступные для фиксации внешним наблюдателем критерии тождества. Таким образом, подобная глобальная классификация отделяет субстанционализм от прочих подходов, которые в этом случае обозначаются как «сложные» [Zimmerman, 2012, p. 207].

Возможной альтернативой эпистемологического деления всех теорий на «простые» и «сложные» может стать классификация, основаниями которой становятся разные типы онтологий.

Долгое время общая концептуальная установка различных теорий личности заключалась в метафизической уверенности, что в каждый момент времени своего существования личности существуют

¹⁴ В первую очередь с этим подходом ассоциируется Р. Суинберн [Swinburne, 1974], а также Р. Чизолм [Chisholm, 1991].

¹⁵ Другими словами, в рамках субстанционализма доступные нам эмпирические факты (такие как схожесть психологических процессов или физических тел) являются нерелевантными проблеме тождества. А поскольку в качестве критерия мы рассматриваем простую и неделимую субстанцию, то тем самым, с точки зрения сторонников данной теории, решается, практически, центральная проблема всех других подходов к тождеству – парадокс деления, когда одна личность (не важно, рассматриваем ли мы ее как психологическую сущность или некоторое вполне материальное тело) делится на две одинаковые части. Именно подобные мысленные эксперименты по разделению личностей приводят к существованию «ветвящихся» теорий, в которых одна изначальная личность может быть условно «равна» нескольким личностям-потомкам. Существование этого кейса во многом является причиной для многочисленных уточнений и переописаний существующих теорий, через которые исследователи пытаются разрешить данную проблематику. Однако простой характер души как субстанции не позволяет «совершить» над ней подобную операцию, а значит, сохраняет принцип тождества «один к одному».

целиком и полностью¹⁶. И хотя это кажется нам почти трюизмом, оригинальные аргументы Парфита о делении, предполагающие возможность существования качественно неразличимых двойников, вынуждают нас пересмотреть привычные представления о том, что такое личность (по крайней мере, если мы хотим сохранить для себя идею тождества). Именно это и пытается сделать Д. Льюис, предлагая теорию существования объектов, которую можно назвать четырехмерной [Lewis, 1983]. Ее центральной идеей становится различие, проводимое между понятиями конкретной временной части личности и их мереологической суммой. Важно, что только последняя может считаться целой личностью и обладать тождеством, ведь всякая временная часть такой суммы в нумерическом смысле нетождественна любой другой временной части той же самой мереологической суммы. Различие между двумя подходами удобно продемонстрировать следующим примером: прямо сейчас передо мной стоит белая кружка, предположим, что завтра я захочу ее разукрасить, а послезавтра она, уже окрашенная, разобьется. С практической точки зрения речь всегда идет об одной и той же кружке, которая как бы «проходит сквозь» время и меняется в результате внешнего влияния с течением времени. Однако с точки зрения четырехмерных теорий объектов, речь в нашем примере идет о нескольких временных частях: 1) кружка «сейчас», 2) кружка окрашенная и 3) кружка разбитая (сюда же могут быть добавлены и дополнительные временные части – кружка в процессе изготовления и т.д.). Только мереологическая сумма, как полная совокупность всех временных частей, является реальным объектом. И поскольку в нашем повседневном опыте мы имеем дело исключительно с временными частями личности, именно поэтому аргументы Парфита кажутся нам столь убедительными. Сами же личности как особые мереологические суммы являются объектами нам не доступными, протяженными не только в пространстве, но и во времени [Гаспаров, 2016, с. 6]. Теории, которые разделяют онтологические интуиции Льюиса, обычно обозначаются как пердурантизм (им противопоставляются теории, называемые эндурантизмом¹⁷).

¹⁶ Подобный взгляд опирается на интуиции презентизма относительно существования во времени любых объектов (не только личностей, но и стульев, столов, планет и т.д.). Согласно презентизму, существуют лишь те объекты, которые существуют здесь и сейчас, в настоящий момент времени. Объекты прошлого и будущего в рамках этой метафизической картины полностью исключаются из списка того, что актуально существует [Sider, 1996 pp. 434–437].

¹⁷ От *endure* – длиться, продолжаться, и *perdure* – терпеть. Пердурантизм предполагает, что на протяжении существования у человека есть различные временные части; сторонники эндурантизма считают, что личность полностью присутствует в каждый момент своего существования.

Итак, мы видим, что любой подход, который не разделяет интуиции четырехмерной онтологии, является эндурантским; аналогичным образом всякая редукционистская теория не может быть «простой теорией» тождества личности. Это значит, что такие разные, казалось бы, способы глобальной классификации в плане предлагаемых ими формальных приемов деления теорий почти полностью идентичны. На основании некоторого выделенного критерия X один конкретный подход к решению проблемы тождества противопоставляется всем прочим, не удовлетворяющим его теориям¹⁸. При желании мы вполне могли бы разделить все теории тождества личности на аналогичные простые дихотомии, например, на психологические и непсихологические, анималистические и неанималистические и т.д. Однако любые подобные дихотомии оказались бы слишком грубыми способами классификации существующего многообразия теорий тождества личности.

6. Типы тождества и координаты личности

Построение модели классификации для теорий тождества личности неизбежно сталкивается с проблемой основания. Если модель претендует на обобщение всех имеющихся взглядов, таким основанием, очевидно, не может стать критерий тождества или онтология личности. Ведь в отдельных случаях разница между теориями может быть определена только в терминах *степени*.

Такой взгляд отсылает нас к предложенной Шехтман локальной классификации нарративных теорий. Оценивая взгляды нарративистов с точки зрения их расположения в границах общего спектра, она объединяет различные представления в контексте своей локальной модели. Место конкретного философа в границах этого спектра определяется его позицией по ключевым вопросам нарративного подхода. А сама возможность его построения основывается на общности представлений нарративистов.

Но что могло бы определять границы глобального спектра, который охватывал бы всех исследователей тождества личности? Ответ банален: использование понятий «личность» и «тождество» в определенном философском контексте. Мы могли бы попытаться переформулировать вопросы Шехтман таким образом, чтобы они оказались адекватными для словарей, используемых другими исследователями.

¹⁸ Называя четырехмерные онтологии личности «одним подходом», нельзя забывать также и о том, что они имеют собственную локальную классификацию [Фауль, 2020, с. 189–191]. Здесь же уместно сказать и о том, что субстанционализм не ограничивается только теорией Суинберна.

Действуя аналогичным образом, мы получаем следующую группу вопросов: (1*) «Что можно считать личностью?»; (2*) «Что можно считать ее тождеством во времени?»; (3*) «Какие этические взгляды следуют из этих концепций?». Наибольшее сомнение вызывает вопрос (3*). Во-первых, можно исследовать проблемы тождества личности, занимаясь исключительно одними лишь метафизическими вопросами, не давая ответов на какие-либо вопросы этики и моральной ответственности. Во-вторых, можно открыто отрицать наличие концептуальных связей между этими группами вопросов, как это делает, например, Олсон¹⁹ [Olson, 1997, pp. 57–62]. Дополнительная проблема скрывается и в предложенных формулировках вопросов (1*) и (2*). Очевидно, что оба вопроса имплицитно подразумевают отношения нумерического тождества, а не отношения тождества качеств, но не все теории содержат в себе столь строгое требование для выживания личности во времени. Поэтому вопросы (1*) и (2*) необходимо переформулировать следующим образом:

- (1**) *Какие требования выдвигаются к объекту для признания его личностью?*
- (2**) *Какую степень преемственности (вне зависимости от критерия) можно считать достаточной для признания тождества двух личностей?*

Такие формулировки позволяют классифицировать взгляды на личное тождество в терминах отношения степени. Задача данной работы во многом заключается в масштабировании локальной классификации М. Шехтман до уровня глобальной карты возможных подходов к тождеству личности. В своей изначальной трактовке вопрос (1) рассматривал в качестве «слабых» нарративных теорий такие, которые в качестве нарративного описания личности признавали даже небольшие, слабо упорядоченные тексты (например, полицейские рапорты, и т.д.). Другими словами, чем меньше какая-то теория выдвигает требований для признания объекта в качестве личности, тем более «слабой» она является. И наоборот, если теория предъявляет большое количество требований, каждое из которых является строго

¹⁹ Такая позиция вынуждает отказаться от рассмотрения достаточно сильной интуиции о связанности имеющихся у нас представлений по вопросам тождества личности и моральной ответственности. Аргумент в пользу важности подобной интуиции заключается в том, что с ее помощью также возможно создание отдельной классификаций теорий тождества, см. [Wiland, 2010, pp. 77–78]. Тем не менее с целью инкорпорирования как можно большего числа различных теорий приходится отказаться от необходимости учитывать моральные следствия из конструируемых теорий тождества. Выражаю благодарность анонимному рецензенту, указавшему на подобный способ классификации.

обязательным, то такая теория будет оцениваться как «сильная». Для наглядности рассмотрим несколько примеров.

Локк описывает личность следующим образом: наличие тела, наличие души, наличие разума, а также способности помнить собственные ощущения и осознавать их как собственные [Локк, с. 387–393]. Однако его анализ личности и ее тождества фокусируется вокруг темы сознания именно по причине отсутствия особых требований к душе или телу, которые скорее сопутствуют нашей личности, но не определяют ее окончательный статус. В то время как для современных сторонников психологического подхода (неолоккианцев, как их иногда называют) ни тело, ни душа не играют никакой роли, мы вполне способны представить себе в качестве личности оцифрованную версию сознания, существующую в виде компьютерного кода. Как следствие, их позицию относительно личности можно обозначить как более «слабую». Еще более «слабой» позицией можно назвать, например, взгляды Юма, отрицающего сам факт существования метафизического Я (Self), стоящего «за» опытом, место которого занимает то, что он называет «пучком перцепций» [Юм, 2022, с. 322].

Противоположные взгляды можно обнаружить в работах сторонников субстанционального подхода. Так, Суинберн согласен с Локком, что для личности имеет значение и тело, и сознание, но только пока речь идет о доступных нам характеристиках души [Swinburne, 2019, р. 76–80]. Именно жесткие требования наличия у нас не только тела и разумного поведения, но также такой метафизически нагруженной субстанции, как душа и делают субстанциональные теории наиболее «сильными» среди прочих онтологий личности. В отличие от них, одушевленный анимализм (например, упоминавшийся ранее Туров) не выдвигает никаких требований относительно нашего сознания, более того, для анималистов мы остаемся личностями даже в случае полного отсутствия ментальной деятельности. Для того, чтобы считаться личностью, в этом случае достаточно быть живым организмом вида *Homo sapiens* [Olson, 1997, р. 36]; такое, на первый взгляд, широкое требование тем не менее включает в себя ряд жестких ограничений, касающихся работы стволового мозга и др. Взгляды нарративистов были достаточно подробно проанализированы ранее; их требования к личности заключается в наличии относительно подробного описания жизни или фрагмента жизни, и хотя данную позицию можно в целом обозначить как «слабую», очевидно, что разные нарративисты выдвигают разные требования относительно содержания нарративов, что позволяет классифицировать их взгляды относительно друг друга. Что касается наиболее минимальных требований к личности, то подобную «слабую» позицию можно обнаружить в работах представителей четырехмерных онтологий, для которых личности ничем принципиально не отличаются от других объектов, существующих во времени.

Возвращаясь к вопросу (2**), следует прежде всего отметить, что определение оппозиции «сильной» и «слабой» форм тождества указывает на степень связи или преемственности, которую представители разных подходов рассматривают как приемлемую для установления самого факта тождества. Чем больше число изменений способна пережить личность без того, чтобы утратить свое тождество, тем «сильнее», согласно предлагаемой классификации, форма личного тождества. Так, с точки зрения субстанциалистов, душа не может подвергнуться никаким изменениям, это уникальная субстанция, лежащая в основе каждой отдельной личности, а потому единственным сценарием сохранения тождества является наличие той же самой нематериальной субстанции или души. Исключительная новизна идей Локка состояла именно в признании возможности изменений внутри личности без нарушения факта тождества, для этого им и вводится память в качестве необходимого критерия. Однако версия Локка все еще обладала определенной ригидностью, что демонстрируют сценарии в стиле «бравого офицера» Т. Рида [Reid, 1878, pp. 248–249], когда мы отрицаем факт тождества между ребенком и генералом, если у генерала отсутствуют соответствующие воспоминания. Если же мы (пусть и уточняя оригинальный критерий Локка, смещая акцент с наличия воспоминаний о событии на наличие достаточной психологической преемственности) признаем возможность сохранения тождества, то тем самым наша позиция становится более «слабой». Наиболее «слабой» формой тождества, т.е. в которой можно утверждать тождество даже при наличии минимальной связанности, является, как кажется, взгляд Льюиса, утверждающего тождество объектов для разных возможных миров [Lewis, 1986, pp. 194–197].

Прояснив основания предлагаемой нами модели глобальной классификации, можно перейти к ее наглядному представлению. В модели локальной классификации нарративных теорий, предложенной Шехтман, достаточно было использовать лишь один общий спектр. Поскольку в нашей классификации онтология личности дополняется соответствующей совокупностью взглядов на ее тождество, то и ответы на вопросы (1**) и (2**) должны нами рассматриваться как общая система координат, образуемая двумя отдельными спектрами. В этом случае классификация сохранит свою информативность, имея дело с большим количеством философских теорий. Можно представить себе стандартный двухмерный график, где в качестве оси ординат будут содержаться «ответы» на вопрос (2**), а по оси абсцисс – на вопрос (1**). Возможный результат представлен на рис. 1.

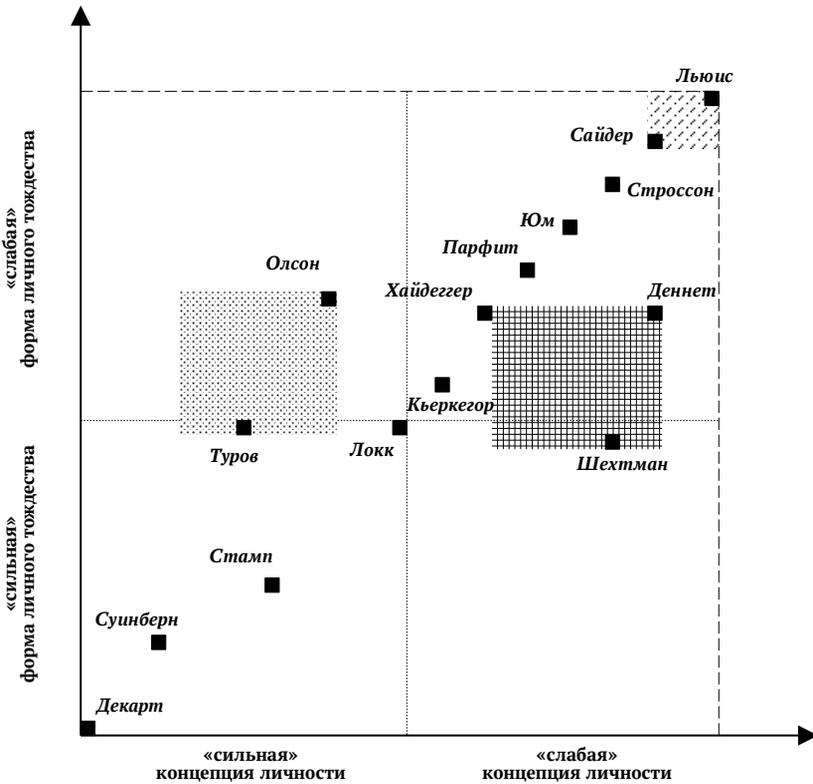

Рис. 1. Координаты взглядов философов на вопросы личности и тождества личности

Предложенный вариант расположения конкретных исследователей и их теорий тождества личности является лишь предварительным. Тем не менее хотелось бы рассмотреть возможные возражения, а также показать дополнительный эвристический потенциал такой классификации.

Наиболее очевидным возражением является критика расположения философа X относительно одной из двух осей, а значит, и относительно других исследователей. В качестве контраргумента можно указать на потенциально возможный кумулятивный эффект предлагаемой нами модели классификации. Другими словами, чем больше исследователей и теорий тождества личности будет охвачено координатной схемой, тем точнее получится «настроить» расположение каждой конкретной фигуры.

Прежде чем перейти к выводам, хотелось бы отметить одно не самое очевидное преимущество, которое содержит данная классификация. Предложенную координатную схему можно использовать в том

числе и для описания взглядов тех философов, которые напрямую не занимались вопросами тождества личности, хотя многочисленные историко-философские реконструкции²⁰ позволяют говорить о комплементарности их взглядов либо о наличии в их исследованиях ретроспективных контраргументов против определенных взглядов на личность и личное тождество.

Многообразие подходов к проблемам тождества личности отражает не только сложность рассматриваемой проблемы, но также гибкость и широту возможных исследовательских подходов. Оба обстоятельства, безусловно, осложняют задачу построения любой адекватной модели глобальной классификации. Поэтому нам следовало бы ответить еще на одно потенциальное возражение: предложенная классификационная схема несет в себе элемент упрощения и огрубления оригинальных философских теорий. Стоит отчасти согласиться с такой критикой, но следует заметить, что в этом случае в нашем распоряжении остаются лишь две возможные альтернативы. Можно использовать уже имеющиеся глобальные классификации, – но в них существующие теории, как кажется, «огрубляются» заметно сильнее. Второй альтернативой мог бы стать полный отказ от любых попыток построения глобальной классификации. По крайней мере, до сих пор на эту роль не было предложено ни одного приемлемого кандидата.

Благодарность

Автор выражает благодарность Нехаеву А.В. и Нехаевой И.Н. за советы и помощь при подготовке данного исследования.

²⁰ О взглядах Р. Декарта см.: [Holbrook, 1992; Thiel, 1997]. О потенциальной критике нарративного подхода в работах С. Кьеркегора см.: [Rudd, 2012, p. 77–99; Elrod, 1973]. О работах Хайдеггера, рассматриваемых в контексте взглядов нарративистов, см.: [Guignon, 2000, p. 79; Fisher, 2010]. Интересная интерпретация Д. Юма дается, например, здесь: [Greco, 2015; Giles, 1993]. Оригинальная реконструкция взглядов И. Канта содержится в [Gutzeit, 2013]. Реконструкция взглядов Ницше представлена в [Tubert, 2018]. Данные исследования (можно сказать, что подобных исследований так много, что нет никакой возможности привести их полностью) становятся причиной появления на координатной схеме фигур философов, напрямую не занимавшихся вопросами диахронического тождества личности.

Список литературы

Волков, 2018 – *Волков Д.Б.* Ответ оппонентам // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 3. С. 188–190.

Гаспаров, 2007 – *Гаспаров И.Г.* Парфит и нигилизм относительно личного тождества // *Analytica*. 2007. № 1. С. 10–36.

Гаспаров, 2016 – *Гаспаров И.Г.* Четырехмерная онтология человеческих личностей и единство переживающего субъекта // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2016. № 4. С. 3–14.

Кэмпбелл, 2020 – *Кэмпбелл С.* Стремительное психологическое изменение / пер. с англ. О.М. Кадочниковой // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5. № 3. С. 95–100.

Макинтайр, 2022 – *Макинтайр А.* После добродетели: исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. 368 с.

Нехаев, 2021 – *Нехаев А.В.* Почему так важно быть мертвым? // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6. № 3. С. 90–107.

Олсон, 2021 – *Олсон Э.Т.* Был ли я когда-то эмбрионом / Пер. с англ. В.А. Сермакшевой // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6. № 2. С. 113–123.

Парфит, 2019 – *Парфит Д.* Тожество личности / Пер. с англ. Р.Л. Кочнева // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4. № 2. С. 94–107.

Рикёр, 2010 – *Рикёр П.* Путь признания: Три очерка / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.

Секацкая, 2018 – *Секацкая М.А.* Необходимые и достаточные критерии тождества личности // *Вопросы философии*. 2018. № 5. С. 125–133.

Фауль, 2020 – *Фауль Б.В.* Четырехмерные теории существования объектов во времени // *Философский журнал*. 2020. Т. 13. № 2. С. 185–199.

References

Adams, 1989 – Adams, R.M. “Should Ethics Be More Impersonal? A Critical Notice of Derek Parfit, *Reasons and Persons*”, *The Philosophical Review*, 1989, vol. 98, no. 4, pp. 439–484.

Atkins, 2010 – Atkins, K. *Narrative Identity and Moral Identity. A Practical Perspective*. Oxford: Routledge, 2010, 184 pp.

Bailey, 2015 – Bailey, A.M. “Animalism”, *Philosophy Compass*, 2015, vol. 10, no. 12, pp. 867–883.

Brink, 1997 – Brink, D. “Self-Love and Altruism”, *Social Philosophy & Policy*, 1997, vol. 14, no. 1, pp. 122–157.

Campbell, 2006 – Campbell, S. “The Conception of a Person as a Series of Mental Events”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2006, vol. 73, no. 2, pp. 339–358.

Campbell, S., O.M. Kadochnikova (trans.) Stremitel'noe psikhologicheskoe izmenenie [Rapid Psychological Change], *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin: Society. History. Modernity], 2020, vol. 5, no. 3, pp. 95–100. (Trans. into Russian)

Chisholm, 1991 – Chisholm R.M. “On the Simplicity of the Soul”, *Philosophical Perspectives*, 1991, vol. 5, pp. 167–181.

Dennett, 1991 – Dennett, D. *Consciousness Explained*. Boston, Massachusetts: Little Brown & Co, 1991, 500 pp.

Elrod, 1973 – Elrod, W.J. “The Self in Kierkegaard’s Pseudonyms”, *International Journal for Philosophy of Religion*, 1973, vol. 4, no. 4, pp. 218–240.

Faul, B.V. “Chetyrekhmernye teorii sushchestvovaniya ob”ektov vo vremeni” [Four-Dimensional Theories of Persistence Through Time], *The Philosophy Journal*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 185–199. (In Russian)

Fisher, 2010 – Fisher, T. “Heidegger and the Narrativity Debate”, *Continental Philosophy Review*, 2010, vol. 43, no. 2, pp. 241–265.

Gallagher, Zahavi, 2012 – Gallagher, S., Zahavi, D. *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science*. New York: Routledge, 2012, 256 pp.

Gasparov, I.G. “Chetyrekhmernaya ontologiya chelovecheskikh lichnostei i edinstvo perezhivayushchego sub”ekta” [Four-Dimensional Ontology of Persons and Unity of Subject of Experience], *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 2016, no. 4, pp. 3–14. (In Russian)

Gasparov, I.G. “Parfit i nihilizm otnositel’no lichnogo tozhdestva” [Parfit and Nihilism about Personal Identity], *Analytica*, 2007, no. 1, pp. 10–36. (In Russian)

Giles, 1993 – Giles, J. “The No-Self Theory: Hume, Buddhism, and Personal Identity”, *Philosophy East and West*, 1993, vol. 43, no. 2, pp. 175–200.

Greco, 2015 – Greco, L. “The Self as Narrative in Hume”, *Journal of the History of Philosophy*, 2015, vol. 53, no. 4, pp. 699–722.

Guignon, 2000 – Guignon, C. “Philosophy and Authenticity: Heidegger’s Search for a Ground for Philosophizing”, in: *Heidegger, Authenticity, and Modernity, Essays in Honor of Hubert L. Dreyfus*. Massachusetts: The MIT Press, 2000, vol. 1, 395 pp.

Gutzeit, 2013 – Gutzeit, Z. “Kantian Themes in the Controversy over Personal Identity: Reflections on the Kantian Inspired Reactions to Parfit”, *The Jerusalem Philosophical Quarterly*, 2013, vol. 62, pp. 3–27.

Holbrook, 1992 – Holbrook, D. “Descartes on Persons”, *The Personalist Forum*, 1992, vol. 8, no. 1, pp. 9–14.

Inwagen, 1990 – Inwagen, P. *Material Beings*. Ithaca: Cornell University Press, 1990, 300 pp.

Langford, 2014 – Langford, S. “On What We Are and How We Persist”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 2014, vol. 95, no. 3, pp. 356–371.

Lewis, 1983 – Lewis, D. “Survival and Identity”, *Philosophical Papers*, 1983, vol. 1, pp. 55–72.

Lewis, 1986 – Lewis, D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Basil Blackwell, 1986, 276 pp.

MacIntyre, A. *Posle dobrodeteli: issledovaniya teorii morali* [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2022, 368 pp. (Trans. into Russian)

Nekhaev, A.V. “Pochemu tak vazhno byt’ mertvym?” [Why Does so Matter to Be a Dead Person], *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’* [Omsk Scientific Bulletin: Society. History. Modernity], 2021, vol. 6, no. 3, pp. 90–107. (In Russian)

Olson E.T.; V.A. Sermaksheva (trans.) “Byl li ya kogda-to embrionom?” [Was I Ever a Fetus?], *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’* [Omsk Scientific Bulletin: Society. History. Modernity], 2021, vol. 6, no. 2, pp. 113–123. (Trans. into Russian)

Olson, 1997 – Olson E.T. *The Human Animal: Personal Identity Without Psychology*. Oxford University Press, 1997, 200 pp.

Olson, 2010 – Olson, E.T. “Ethics and the Generous Ontology”, *Theoretical Medicine and Bioethics*, 2010, vol. 31, no. 4, pp. 259–270.

Olson, 2015 – Olson, E.T. “What Does it Mean to Say That We Are Animals?”, *Journal of Consciousness Studies*, 2015, vol. 22, no. 11/12, pp. 84–107.

Parfit, 1973 – Parfit, D. “Later Selves and Moral Principles”, in: A. Montefiore (ed.) *Philosophy and Personal Relations: an Anglo-French Study*. London: Routledge & Kegan Paul, 1973, pp. 137–169.

Parfit, 1984 – Parfit, D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1984, 560 pp.

Parfit, D.; R.L. Kochnev (trans.) “Tozhdestvo lichnosti” [Personal Identity], *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost’* [Omsk Scientific Bulletin: Society. History. Modernity], 2019, vol. 4, no 2, pp. 94–107. (Trans. into Russian)

Patrone, 2017 – Patrone, F. “Parfitians as Exdurantists”, *Axiomathes*, 2017, vol. 27, no. 6, pp. 721–729.

Perry, 1972 – Perry, J. “Can the Self Divide?”, *Journal of Philosophy*, 1972, vol. 69, pp. 463–488.

Ricœur P. *Put’ priznaniya: Tri ocherka* [The Course of Recognition: Three Essays]. M.: ROSSPEN, 2010, 268 pp. (Trans. into Russian)

Rudd, 2009 – Rudd, A. “In Defence of Narrative”, *European Journal of Philosophy*, 2009, vol. 17, pp. 60–75.

Rudd, 2012 – Rudd, A. *Self, Value, and Narrative: A Kierkegaardian Approach*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 286 pp.

Rudd, 2016 – Rudd, A. “‘Strong’ Narrativity – A Response to Hutto”, *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 43–49.

Schechtman, 2007a – Schechtman, M. *The Constitution of Selves*. Ithaca, Cornell University Press, 2007, 192 pp.

Schechtman, 2007b – Schechtman, M. “Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of the Narrative View”, *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 2007, vol. 60, pp. 155–178.

Sekatskaya, M.A. “Neobkhodimye i dostatochnye kriterii tozhdestva lichnosti” [Necessary and Sufficient Criteria of Personal Identity], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 5, pp. 125–133. (In Russian)

Shoemaker, 1970 – Shoemaker, S. “Persons and Their Pasts”, *American Philosophical Quarterly*, 1970, vol. 7, no. 4, pp. 269–285.

Shoemaker, 1999 – Shoemaker, S. “Body and the Self”, *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, 1999, vol. 73, pp. 287–332.

- Sider, 1996 – Sider, T. “All the World’s a Stage”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 74, no. 3, pp. 433–453.
- Snowdon, 1990 – Snowdon, P.F. “Persons, Animals, and Ourselves”, in: C. Gill (ed.) *The Person and the Human Mind: Issues in Ancient and Modern Philosophy*. Oxford: Clarendon Press, 1990, pp. 83–107.
- Stokes, 2012 – Stokes, P. “Is Narrative Identity Four Dimensionalist?”, *European Journal of Philosophy*, 2012, vol. 20, no. 1, pp. 86–106.
- Strawson, 2017 – Strawson, G. *The Subject of Experience*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 315 pp.
- Stump, 1995 – Stump, E. “Non-Cartesian Substance Dualism and Materialism Without Reductionism”, *Faith and Philosophy*, 1995, vol. 12, no. 4, pp. 505–531.
- Swinburne, 1974 – Swinburne, R.G. “Personal Identity”, *The Proceedings of the Aristotelian Society*, 1974, vol. 74, no. 1, pp. 231–247.
- Swinburne, 2019 – Swinburne, R.G. *Are We Bodies or Souls?* Oxford: Oxford University Press, 2019, 208 pp.
- Thiel, 1997 – Thiel, U. “‘Epistemologism’ and Early Modern Debates about Individuation and Identity”, *British Journal for the History of Philosophy*, 1997, vol. 5, no. 2, pp. 353–372.
- Thornton, 2016 – Thornton, A.K. “Varieties of Animalism”, *Philosophy Compass*, 2016, vol. 11, no. 9, pp. 515–526.
- Thornton, 2019 – Thornton, A.K. “Disembodied Animals”, *American Philosophical Quarterly*, 2019, vol. 56, no. 2, pp. 203–217.
- Thurrow, 2018 – Thurrow, J.C. “Animals with Soul”, *Sophia: International Journal of Philosophy and Traditions*, 2018, vol. 57, no. 1, pp. 85–101.
- Toner, 2011 – Toner, P. “On Hylemorphism and Personal Identity”, *European Journal of Philosophy*, 2011, vol. 19, no. 3, pp. 454–473.
- Tubert, 2018 – Tubert, A. “Nietzsche and Self-Constitution”, in: A. Montefiore (ed.) *Philosophical Minds: The Nietzschean Mind*. London: Routledge & Kegan Paul, 2018, pp. 218–230.
- Volkov, D.B. “Otvét opponentam” [A Reply to Critics], *The Philosophy Journal*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 188–190. (In Russian)
- Walker, 2020 – Walker, M. “Branching Is Not a Bug; It’s a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility”, *Philosophy & Technology*, 2020, vol. 33, pp. 173–190.
- Wiland, 2000 – Wiland, E. “Personal Identity and Quasi-Responsibility”, in: van den Beld, T. (ed.) *Moral Responsibility and Ontology*. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000, pp. 77–88.
- Williams, 1956–1957 – Williams, B. “Personal Identity and Individuation”, *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1956–1957, vol. 57, pp. 229–252.
- Zahavi, 2014 – Zahavi, D. *Self and Other: Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame*. Oxford: Oxford University Press, 2014, 280 pp.
- Zimmerman, 2012 – Zimmerman, D. “Materialism, Dualism, and ‘Simple’ Theories of Personal Identity”, in: G. Gasser, M. Stefan (eds) *Personal Identity: Complex or Simple?* Cambridge: Cambridge University Press, 2012, pp. 206–235.